

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе
и программам стратегического
развития ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»,
проф. А.М. Макаров

«18» 06 2019 г.

ОТЗЫВ

**Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Удмуртский государственный
университет» о диссертационном исследовании
Дёгтевой Ярославны Николаевны «Чужой взгляд в творчестве
Ф.М. Достоевского», представленном на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература**

Диссертационное сочинение Дёгтевой Ярославны Николаевны представляет собой обобщающее исследование, посвященное проблеме чужого взгляда в творчестве Ф.М. Достоевского. Изучение визуальности и поэтики визуального в творческом наследии писателя сложно отнести к проблеме, мало привлекающей внимание достоевковедов, особенно учитывая столь популярный для современной филологической науки междисциплинарный подход и его практически неограниченные возможности. В этом смысле докторанту удалось найти тот угол зрения, который позволил обнаружить многогранность феномена чужого взгляда и, что немаловажно, системно описать его. Более того, формулировка данного феномена, изначально настраивающая на очевидное восприятие героя другими героями произведения, по мере углубления в концепцию автора работы, оказывается более сложной – не только за счет включения нескольких уровней зрительного восприятия, определения его типов и видов, но и за счет терминологической специфики, требующей четкой дефиниции. Предпринятый обобщающий взгляд на проблему вкупе с разработанным понятийным аппаратом, бесспорно, способствует новому прочтению произведений Достоевского в свете современной рецепции, в чем видится и научная новизна, и актуальность диссертационной работы.

Однако обратим внимание на определенные моменты, вызывающие некоторые сомнения в теоретико-методологической части работы.

Прежде всего, во введении, говоря о системных исследованиях творчества Достоевского, Ярославна Николаевна в качестве последних (по времени принадлежащих XX веку) называет работы М.М. Бахтина и М. Джоунса.

Напомним, первая работа М.М. Бахтина о Достоевском относится к 1929 году, а ее переиздание (фактически новая книга) – к 1963 году. Что касается М. Джоунса, то его книга датирована 1990-м годом. В этот промежуток времени (то ли 1923-1990, то ли 1963-1990 – в ссылке указаны обе бахтинские работы) и после него, по-видимому, никто системно творчество писателя не рассматривал: ни Е.А. Иванчикова («Синтаксис художественной прозы Достоевского», 1979), ни Р.Г. Назиров («Творческие принципы Достоевского», 1982), ни В.Н. Захаров («Система жанров Достоевского. Типология и поэтика», 1985), ни Т.А. Касаткина («Характерология Достоевского», 1996), ни Г.К. Щенников («Достоевский: эстетика и поэтика», 1997) и др. Системный подход в литературоведении предполагает изучение и описание объекта как системы – многоэлементной, многоуровневой и пр. Именно поэтому диссертация Ярославны Николаевны является замечательным примером системного подхода к осмыслинию проблемы чужого взгляда в творчестве Достоевского, равно как и названные выше авторы рассматривали интересующие их объекты в творчестве писателя с учетом многоэлементности или многоуровневости других объектов. Если же диссертант под «системным» понимает комплексное изучение художественного творчества, тут явно одной монографией (в данном случае диссертацией) не обойтись, так как «нельзя объять необъятное».

Кроме того, обозначенная методологическая база исследования не подкрепляется ни одним сугубо литературоведческим методом, если не считать контент-анализ, популярный в лингвистике и социальных науках, а также системный подход, не являющийся исключительно литературоведческим и даже исключительно филологическим. Конечно, литературоведческая составляющая в работе проявляется, но жанр диссертации требует перечисления методов, соответствующих специальности, по которой защищается эта диссертация. Названные «общелогические и частные методы» (с. 7 дисс. соч.) провоцируют дальнейший методологический перекос, а это в свою очередь влияет на терминологический аппарат, который время от времени перестает быть филологическим (триггер, конгруэнтный, паттерн, диссоциация личности и пр.).

Это касается и определения магистральной категории работы – чужого взгляда. В первом положении, выносимом на защиту,дается следующее его определение: «<...> не только направленность зрения субъекта (героя или повествователя) на некий не совпадающий с ним, гетерогенный ему объект, но и манера субъекта смотреть отчужденно (чужими глазами)» (с. 9 дисс. соч.). В дальнейшем понятие субъекта практически всегда будет связано с *субъектом зрения* (тем, кто смотрит), хотя в структуре художественного текста под субъектом понимается субъект повествования, который может совпадать с героем (рассказчик или герой-рассказчик, сказовый рассказчик, если повествование от первого лица), а может не совпадать (автор или повествователь). Под объектом же в тексте традиционно понимается герой. В «визуальном» контексте субъект зрения не вызывает сомнения. Проблема в другом: функционирование чужого взгляда в творчестве Достоевского заявлено дис-

сертантом на уровне повествования тоже. Следовательно, было бы уместно оговорить «субъектную разницу» еще во введении. Убеждены, междисциплинарный подход не должен перекрывать профилирующую специальность.

Наконец, не вполне понятно, чем обусловлен отбор материала исследования – пяти произведений из всего творчества Достоевского, хотя определенная логика видна: от раннего периода – к зрелому. Если рассматривать проблему чужого взгляда в контексте коммуникативного акта и провоцируемой им рефлексии и саморефлексии, безусловно, важным оказывается именно то понимание чужого взгляда, которое заложено диссертантом. Однако, если упростить ситуацию, в любом произведении писателя герои смотрят один на другого, друг на друга, кратко или продолжительно, избегают обмена взглядами, а значит, в любом произведении визуальность становится частью коммуникации. Вопрос относительно выбора текстов остается открытым, тем более что ни жанрово, ни субъектно все пять произведений невозможno объединить.

Основная часть диссертации представлена тремя главами, каждая из которых посвящена изучению определенного аспекта проблемы чужого взгляда. При этом первая и вторая главы по большей части реферативные, третья – собственно исследовательская.

Так, в первой главе внимание уделяется изучению феномена чужого взгляда в гуманитарной сфере знания. Здесь речь идет не только о литературоведческом, но и о культурологическом, социально-психологическом, философском понимании чужого взгляда, что вполне оправданно, если говорить о феноменологической сущности визуального.

Отправной точкой в размышлениях диссертанта становится полемика Г.Э. Лессинга и И.Г. Гердера о соотношении литературы (художественной словесности) и изобразительного искусства. Наряду с обращением к зарубежным и отечественным ученым, поддерживавшим разные стороны в этой полемике, диссертант останавливается на мифологической подоплеке чужого взгляда, выявляя его сущностные константы, в том или ином виде воплотившиеся в творчестве не только Достоевского. Социально-психологический контекст оказывается интересным в связи с визуальным поведением говорящего и слушающего, так как именно визуальный канал играет роль дополняющего вербальную коммуникацию фактора и несет в себе несравненно больше информации для коммуникантов. Философский же аспект привносит в коммуникацию принципы познания *другого* («ты», «оно», по М. Буберу) путем визуального контакта – соотнесением «я» с бытием «другого».

Отметим, что в данной главе все эти теоретические изыскания не изолированы от творчества Достоевского, но, напротив, соотнесены с конкретными текстами, что отчасти способствует преодолению реферативности в главе. Это в полной мере относится и к кропотливой словарной работе, проделанной в третьем параграфе данной главы. Поскольку термин «чужой взгляд» не является общепринятым в гуманитарной сфере, словарная работа представляется необходимой в силу установления адекватной дефиниции, правда, при ее установлении «повествователь» и «другое действующее лицо»

субъектно, в литературоведческом смысле, уравнены. В целом же, чужой взгляд понимается диссертантом как «направленность зрения субъекта на некий не совпадающий с ним объект» и как «манера субъекта смотреть (в том числе на себя) отчужденно (чужими глазами)» (с. 51 дисс. соч.).

Во второй главе чужой взгляд рассматривается как элемент поэтики визуального в творчестве Достоевского.

Называя ключевые для изучения проблемы чужого взгляда произведения, диссертант отмечает пять текстов: «Бедные люди» и «Двойник» относятся к «докторльному» периоду, в них еще нет религиозной нагрузки; «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Идиот» – «последствия», в них отчетливо проявляются религиозные взгляды писателя. Подобное категоричное разграничение далее в работе не соотносится с трансформацией чужого взгляда. Неизменным же у Достоевского остается «человек диалогически мыслящий, существующий в общении, практически не имеющий личного пространства» (с. 55 дисс. соч.). Далее дана характеристика каждого произведения в связи с этой особенностью героев Достоевского и, разумеется, в соотнесенности с визуальным компонентом. Здесь возникает вопрос: «этапность» творчества писателя не влияет на концепцию чужого взгляда в целом, так как сама по себе она устойчива, ни от чего не зависит?

В рамках этой же главы феномен чужого взгляда у Достоевского соотносится с гоголевским представлением о визуальности. Однако, обращаясь к Гоголю, Ярославна Николаевна отчасти «стирает» аспект, который стремится сделать критерием разграничения в творчестве Достоевского, – религиозность. Фантастическое и мистическое у Гоголя разные понятия, но для автора диссертации они взаимозаменяемы и в конечном счете сливаются в «сверхъестественное». А между тем именно с религиозным смыслом соотносится мистическое начало, что отвечает мировоззрению Гоголя. Если развивать идею писательской преемственности, интересно было бы проследить за тем, как гоголевский религиозный (мистический) компонент визуального проявляется у Достоевского. К примеру, в «Преступлении и наказании» в первом сне Раскольников представлен ребенком лет семи, о котором мы узнаем примечательный факт: он «посещал кладбище, религиозно и почтительно крестился над могилкой». Иными словами, Раскольников-взрослый, с извращенным пониманием нормы, видит (осознает) себя во сне как другого (смотрит на себя чужими глазами), с еще не утраченным истинным представлением о нравственной норме. Вот откуда в сознании героя диалектика добра и зла (ср.: «человек диалогически мыслящий»). Ярославна Николаевна обращается к интертекстуальному подходу, но, по-видимому, вне идеи преемственности (Гоголь – Достоевский), с целью обозначить актуальность визуальности для любой литературной эпохи (или писателя).

По нашему мнению, чужой взгляд как элемент поэтики Достоевского наиболее интересно представлен в двух других параграфах, уточняющих семантическую сферу чужого взгляда, которая была сформулирована в предыдущей главе. Так, во втором параграфе содержится литературоведческий обзор работ по проблеме (А.Б. Криницын, А.П. Чудаков, Ю.Н. Тынянов и др.):

визуальное поведение, зрительное восприятие, оценочная лексика, детализированность описаний, внимание к глазам как главной составляющей чужого взгляда становятся арсеналом поэтических средств писателя. Зрительное самовосприятие – объект изучения в третьем параграфе – рассматривается через феномен двойничества, причем здесь учтен и мифологический подтекст, и философское обоснование, и социально-психологические характеристики героев, и словарные определения двойника, и средства его создания в тексте.

Однако чересчур ощутимым оказывается нефилологический, своего рода «медицинский», контекст размышлений докторанта, что, в общем-то, указывает на известную ситуацию: литературоведение как наука имеет свои границы, свой понятийный аппарат, свою методологию. Концептуальное для проблемы чужого взгляда понятие двойника подменяется «соматическим подобием», а самосознание – «аутоперцепцией», причем предпочтительным в диссертации оказывается второй вариант. Апелляция Ярославны Николаевны к жизненной практике (патологическим случаям возникновения двойника), конечно, способна объяснить «механизм» двойничества, но призвание художественной литературы видится в другом.

Третья глава посвящена анализу феномена чужого взгляда у Достоевского. Это наиболее важная часть диссертации, поскольку, во-первых, здесь представлен оригинальный (нереферативный) подход к проблеме; во-вторых, разработана подробная классификация чужого взгляда; в-третьих, текстово показано функционирование чужого взгляда.

Прежде чем перейти к классификации, следует заострить внимание на методике анализа, предпринятого докторантом. Речь идет о контент-анализе, который осуществлен поэтапно, каждый этап описан, результаты исследования предъявлены в табличном и текстовом виде. Насколько приемлем такой анализ для литературоведения, вопрос открытый, хотя бы потому, что в строгом смысле контент-анализ применим в социальных науках, однако есть он и в лингвистике. Именно лингвистический аспект – статистический анализ лексической сферы чужого взгляда – заявлен в диссертации. Кроме того, отдельные термины (субъект, объект) даны вне сферы литературоведческого употребления. Тем не менее результат представлен, вопрос в том, насколько он идеально убедителен. В частности, подсчитывая употребление словосочетания «чужой взгляд» в «Бедных людях», докторант делает вывод о минимальном количестве подобного словоупотребления в этом романе. Следовательно, феномен чужого взгляда не столь важен в «Бедных людях», сколько, предположим, в «Преступлении и наказании» (если там частотность высокая)? Какой смысл брать такой текст для доказательства концепции? Смысл, безусловно, есть, но не количественный, а качественный.

Что касается классификации чужого взгляда, она представлена разветвленно, с учетом типологических и видовых связей. Правда, при пояснении механизма установления типа и вида чужого взгляда докторант привлекает не законченный в смысловом плане эпизод, а короткую цитату, порой вырванную из ближайшего контекста. Например, о Макаре Девушкине сказано: «Остановился я посмотреть на шарманщика». Вывод, который делает

Ярославна Николаевна из этой цитаты относительно модальности взгляда, удивляет глубиной, но в этом выводе учтена реакция героя, который в одном из писем сам ее объяснил. Другими словами, в данном случае Ярославна Николаевна недостаточность лингвистической статистики восполняет осмысливанием контекста, то есть анализом эпизода.

Безусловно, это не отменяет многогранности подхода к проблеме чужого взгляда. Перечисленные на с. 111 дисс. соч. основания классификации и полученные в связи с ними типы и виды чужого взгляда при внимательном прочтении текста дают поразительный результат. Рассматривая каждое произведение в отдельности, диссертант не только обращает внимание на визуальное поведение героев, но и соотносит предложенные классификационные показатели с литературным типом героя («маленьким», «подпольным», «положительно прекрасным» человеком), с социально-психологическими характеристиками персонажей, и, что немаловажно, с типом повествования.

Вообще, на наш взгляд, не учитывая контент-анализ, но принимая во внимание саму классификацию и то, как она работает применительно к текстам Достоевского, данная глава представляет наиболее сильную сторону диссертации. Здесь теоретические выкладки направлены в практическое русло, что демонстрирует доказательность как теоретической базы (типы и виды чужого взгляда во втором параграфе), так и выводов (работа с текстом в третьем параграфе).

В заключении подводятся итоги исследования, в обобщенном виде излагаются результаты решения поставленных задач, а также намечается перспектива дальнейшей разработки темы. Интригующим выглядит замечание о том, что положения диссертационного исследования были апробированы в рамках педагогической практики аспирантов по дисциплинам, среди которых «История и методология литературоведения» (с. 151 дисс. соч.). Предполагаем, диссертант сумеет скорректировать перспективу разработки темы с учетом ощущимой литературоведческой доли – безболезненно для междисциплинарного подхода. Обобщение разноплановых подходов к изучению визуальности в гуманитарной сфере знания для современного исследователя выглядит многообещающим. Проблема заключается в том, как это обобщение, сделанное на основе современных научных данных (шире – XX-XXI веков), применить к художественному творчеству писателя XIX века, еще не знающего о современных нам научных открытиях, и при этом не потерять из вида интенцию автора и веяния актуальной для автора эпохи – в угоду интересующей нас тенденции.

Таким образом, диссертационное исследование Я.Н. Дёгтевой обрело свою завершенность. Сложноорганизованность феномена чужого взгляда в творчестве Достоевского подтверждена на разных уровнях, представленных системно, последовательно, вкупе с междисциплинарным подходом. В целом, диссиденту удалось решить поставленные в работе задачи, достичь заявленной цели и представить научно значимое исследование проблемы чужого взгляда в выбранных произведениях Достоевского. Методологические и теоретико-понятийные недостатки работы в дальнейшем могут быть устра-

нены. Привлечение других произведений писателя позволит доказать или опровергнуть результативность контент-анализа, однако, несомненной представляется необходимость обращения к литературоведческим методам анализа текста. Диссертационная работа, безусловно, вносит свой вклад в изучение творчества Достоевского и имеет и практическую ценность: результаты представленного исследования могут найти применение в спецкурсах по проблемам творчества Достоевского.

Содержание диссертации отражено в автореферате и имеющихся 16 публикациях, в числе которых 6 – статьи в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ.

На основании вышесказанного, считаем, диссертационное исследование Дёгтевой Ярославны Николаевны «Чужой взгляд в творчестве Ф.М. Достоевского» в целом соответствует пп. 9-14 «Положения о порядке присуждении ученых степеней» от 24.09.2013 № 842 постановления Правительства РФ, а также требованиям ВАК, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Автор данной работы заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв подготовлен кандидатом филологических наук, доцентом, заведующим кафедрой истории русской литературы и теории литературы ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» Натальей Сергеевной Рубцовой и обсужден на заседании кафедры истории русской литературы и теории литературы ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», протокол № 1 от 15 января 2019 г.

Данные об организации:

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Почтовый адрес: 426034 г. Ижевск, ул. Университетская, 1. Корп. 2.

Тел.: 8(3412)681610 (приемная), 8(3412)916154 (кафедра истории русской литературы и теории литературы).

E-mail: rector@udsu.ru (приемная); ktlitff@gmail.com (кафедра истории русской литературы и теории литературы).

15.01.2019

Заведующий кафедрой истории русской
литературы и теории литературы
ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»,
кандидат филологических наук, доцент

Рубцова

Н.С. Рубцова

О.В. Исинбаева